

УДК 111

С.Р. Динабург

СКРОМНАЯ ЗРЕЛОСТЬ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В КРУГУ СЕМЬИ И ДРУЗЕЙ

Раскрыта интегративная и креативная роль трансдисциплинарности на современном этапе отношений науки и общества. Трансдисциплинарность рассмотрена как феномен, гораздо более содержательный, чем отношения между научными дисциплинами или типами исследований. Концепции генезиса науки как с позиции интернализма (историко-теоретическая перспектива), так и с позиции экстернализма (историко-социологическая перспектива) признают, что на современном этапе науки направления дальнейших исследований регулируются внешними, неэпистемическими целями. Это положение вещей вызывает большие опасения и озабоченность, но в то же время стимулирует и обеспечивает новые способы общественного участия и контроля. Трансдисциплинарность объединяет исследователей, стремящихся изменить социально-познавательную ситуацию. Интегративные практики не только откликаются на эпистемологический кризис, но и ориентируют на социально ответственные решения. «Точки роста» возникают там, где возможен общественный резонанс, публичное внимание к развитию соответствующих областей знания и участие различных социальных акторов, непосредственно заинтересованных в решении практических задач. Трансдисциплинарность, в широком смысле, сопряжена с другими транскультурными феноменами и исследует проблему бытия человека в мире. Краткая история становления, основная направленность и принципы трансдисциплинарности изложены в синкретическом стиле, характеризующем открытый характер трансдисциплинарных стратегий. Поставлена проблема условий и средств диалога между исследователями и социальными акторами. Приведены ссылки на базовые информационные источники по теме, доступные широкому кругу исследователей.

Ключевые слова: диалог, междисциплинарность, социальные акторы, трансдисциплинарность, трансдисциплинарные стратегии, трансцендирующий сдвиг, этос науки.

Трансдисциплинарность родилась в 1970 году, как и полагается, в дискуссии о судьбах культуры и мира, в доброй и почтенной семье. Отец – психолог и философ Жан Пиаже был жизнелюбив и плодовит. Мать – Историческая Необходимость – несмотря на множество забот с другими детьми, как раз в это время была особо внимательна к отношениям науки и общества. Детство трансдисциплинарности прошло, как и у многих юных особ её круга: зрела в покое, подавала надежды и радовала перспективами. Наконец, в 1986 году, состоялся её первый выход в свет – дебютантка была представлена на симпозиуме ЮНЕСКО «Наука и границы знания: пролог нашего культурного прошлого» в Венеции. А в полное свое совершеннолетие она вступила в 1994 году на своём собственном Первом Всемирном конгрессе в Португалии. Собравшиеся в её честь исследователи посвятили ей Хартию¹ – «без всякой претензии на какую-либо власть, кроме обязательств их собственной работы и деятельности»². Здесь утвержда-

---

© Динабург Светлана Роальдовна – ст. преподаватель кафедры философии и права, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: solo.alias@list.ru.

¹ Первую в её истории. Хартия II предложена в России [Электронный ресурс]. URL: <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-2.html>.

² <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-1.html>.

лось, что трансдисциплинарность – никакая не наука наук, не новая метафизика, религия и так далее в этом роде. Она натура сложная и загадочная, то есть «многоаспектная и многомерная», и если что – любая попытка редуцировать реальность к единственному уровню с единственным видом логики (а человека – к формальным структурам) с ней несовместима. Но она вполне реальна как «семантическое и практическое объединение тех смыслов, которые находятся в области пересечения и лежат за пределами различных дисциплин». Но только, пожалуй, без эпистемического фанатизма – всякие крайности, исключаящие субъекта, «могут иметь только жизнеотрицающие последствия». А для хорошей и правильной жизни просто необходим выход за область точных наук, их диалог и примирение с гуманитарными и социальными науками, а также с искусством, литературой, поэзией и духовным опытом. Что касается экономики – то она должна служить человеку, а не наоборот.

С такой репутацией и взглядами трансдисциплинарность быстро обрела профессиональную востребованность. В том же 1994-м она поступила на службу в так называемый «второй тип» производства знания – пригласили знакомые ребята: М. Гиббонс, К. Лимож, Х. Новотны, С. Шварцман, П. Скотт, М. Трой. И, действительно, производит – и не только по «второму типу», но уже и по «третьему»³.

Трансдисциплинарность поначалу жила преимущественно в Париже, в скромной квартирке под названием *Международный центр трансдисциплинарных исследований* (CIRET – Centre International de Recherches et Études Transdisciplinaires), но затем она много путешествовала и укрепляла международные связи. Тем более что её крёстный отец – румынский физик Басараб Николеску желал бы уберечь её от излишнего внимания и покровительства французского постструктурализма и других постмодернистских фривольностей. На посту президента CIRET Б. Николеску, безусловно, стремился вести диалог с кем бы то ни было в духе уважения к индивидуальной и коллективной Инаковости, поэтому развивал и поддерживал свою протезу в духе строгости, открытости и толерантности⁴.

Трансдисциплинарность сегодня успешно трудится на nive образования, медицины и биоэтики, проблем устойчивого развития и инноватики, хотя её замечают и в других областях⁵. Её не всегда приглашают на междисциплинарные разборки и посиделки, иногда только лишь по неосведомленности. Но чаще – это просто не её уровень.

³ Концепция «тройной спирали» (“Triple helix”).

⁴ «Строгость в аргументации, принимающая во внимание все имеющиеся данные, – лучшая защита от возможных искажений. Открытость включает в себя принятие неизвестного, неожиданного и непредвиденного. Толерантность предполагает признание права на идеи и истины, противоположные нашим собственным» (Ст. 14 Хартии I).

⁵ См. Нагорная А.В., Лингвистика интероцептивных ощущений в трансдисциплинарном контексте // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. № 6.

Трансдисциплинарность испытывает интеллектуальный интерес к обществу транс-каких-нибудь феноменов, вроде транскумулятивности или трансединого. Тогда она «выражает себя как трансцендирующий сдвиг дисциплинарного научного знания в область объемлющего его знания жизненного мира»⁶. Правда, это может мешать ей выражаться транспарентно⁷.

Зато она имеет близкие, теплые отношения с синергетикой, которая приходится ей не то двоюродной тёткой со стороны матери, не то сводной сестрой со стороны отца. В общем, очень дружат.

В России её приняли радушно и работой не докучают. Берегут. Говорят – да, знаем-знаем, а как же! И очень любят у нас интересоваться семейными отношениями. Долгие и тщательные разборы, в каком сродстве состоят трансдисциплинарность и междисциплинарность, и другие ... а также традиция искать корни в Античности, а то и дальше – в мифопоэтическом сознании. Это, безусловно, украсит любую диссертацию. Когда-то Б. Николеску ужасался: 8 тысяч дисциплин – 8 тысяч способов искать действительность. Катастрофа! [5].

Теперь у нас 8 тысяч трактовок трансдисциплинарности, и никакой катастрофы. Потому что именно трансдисциплинарность позволяет увидеть это многообразие в другой перспективе.

Что действительно мешает трансдисциплинарности – так это немножко длинное имя и никакой уменьшительно-ласкательной формы. Но с другой стороны, памятуя о происхождении, у неё вполне могло быть сложно-составное имя. А экономить буквы в американизированной манере все же не стоит. У нас это будет ТД («Торговый дом», «и т.д.»), а у них – TD, «Тиди», как кличка собаки.

Трансдисциплинарность отмечает скромный, но заслуженный юбилей. Сколько еще впереди. Она передает всем привет и выражает пожелание, чтобы о ней написали по возможности понятно даже для бакалавра технического университета. Это будет хорошей инвестицией в будущее.

* * *

Исследуя публикации последних лет в области теории познания, философии науки вообще и философии социальных и гуманитарных наук, можно заметить обнадеживающую тенденцию. А именно: глубокая проблематизация различных социально-институциональных и концептуально-методологических компонентов современной ситуации в науке обращается к феномену *трансдисциплинарности* в качестве средства для разрешения проблем или их трансформации. Обращение это происходит не только в явной форме, когда содержание понятия трансдисциплинарности связывается с рефлексией процессов в совершенно определенных практических сферах теми исследователями, кто

---

⁶ Хартия II [Электронный ресурс]. URL: <http://transstudy.ru/xartiya-transdisciplinarnosti-2.html>.

⁷ Транспарентный (англ. *transparent* – прозрачный) – отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности информации; информационная прозрачность.

знаком с этой концепцией. Но это происходит также и в неявной форме, когда сущностные черты трансдисциплинарности фактически реконструируются – вербализуются в иной системе понятий или отчетливо просматриваются в стратегии, приемах и ценностях исследователей.

Преодолевая искушение признать трансдисциплинарность духом времени, оставаясь на позиции умеренного энтузиазма, нельзя не согласиться с идеей М. Эпштейна: все то, что является предтечей грядущего, мобилизует творческую энергию [1]. Настроение также становится сущностной стороной дела. Привлекая сезонную метафору к характеристике научных поисков последних десятилетий, следует признать, что это все-таки «осень» – в предметном плане время интенсивного и результативного сбора высокотехнологичного урожая, а в методологическом смысле – «время усталости, разочарования с сопутствующими разноцветьем и пышностью увядания» [2, с. 93]. В эпоху деятельности с приставкой «*пост-*» интеллектуальные усилия «в большей мере направлены не на проекты и перспективы, а на самоидентификацию через отрицание "отживших и преодоленных" ... традиций» [2, с. 93], а дискуссии ведутся в стилистике и эстетике ностальгии, гнева, бессилия, упований и призывов.

Трансдисциплинарность тоже может говорить на языке манифестов и не чужда самоиронии⁸. Но её можно почувствовать, узнать по «весеннему» настроению, она предполагает поиск «методов оживления накопленных культурных богатств» и объединяет исследователей, стремящихся соответствующим образом изменить социально-познавательную ситуацию [1].

Трансдисциплинарный, транскультурный, трансформативный, трансгуманитарный – дело в конце концов не в трансовых названиях, лингвоимпровизациях и неологизмах «*прото-*» эпохи, которая еще не обрела названия. На наших глазах происходит то, что может стать «новой волной творческого дерзания, поиском новых форм сохранения прошлого и взаимодействия с ним, новых определений для существующих и зарождающихся ценностей» [1].

Укажем еще один ключевой пункт. Как известно, «транс-» означает пересечение пространств и/или границ. Опыт предела и вместе с тем неизбежности его преодоления или нарушения является существенной темой современной философии и всей культуры. Выход за существующие рамки означает также выход в сферу нового опыта, что всегда сопряжено с большими трудностями.

Это трудности *трансцендирования* как восхождения к высшим уровням человеческого сознания и *трансгрессии* как «прыжка в неизвестное», в радикально новое и принципиально непредсказуемое состояние. Обе стратегии чреватые обретением свободы – трудностями её освоения или последствиями бегства от неё.

---

⁸ Так, в оформлении портала «Трансдисциплинарные исследования» (<http://transstudy.ru>) использован фрагмент картины П.Брейгеля Старшего «Вавилонская башня».

С этих позиций трудно ожидать, что трансдисциплинарность, как подающая надежды эпистемологическая система, будет чем-то иным, как еще одним способом переживать драматичный опыт человеческого существования.

Предмет нашего интереса в том, каким образом возможен сегодня диалог в научной сфере и социальной практике, как возможна совместная работа исследователей различной направленности и принадлежности. То есть как трансдисциплинарность теоретически возможна и как она практически реализуется, каковы её движущие силы и инструменты, что в этой сфере свершается естественным ходом событий, а что требует инициатив. И по нашему убеждению, для достижения этих целей было бы ценно попытаться применить рефлексивную спираль, в которой *трансдисциплинарность является предметом трансдисциплинарности*.

Трансдисциплинарность как специфическая форма интеграции научных дисциплин и областей знания (наряду с кросс-дисциплинарностью, междисциплинарностью, мультидисциплинарностью) нередко искушает исследователей, следующих по пути систематизации. Но особенность этого многопланового феномена в том, что это не только отношение между дисциплинами или исследовательскими проектами. В меньшей степени трансдисциплинарные процессы – это отношения между исследователями и другими членами общества (социальными акторами), а также социальные регулятивы в процессе производства знания.

Взгляд на науку со стороны социальной теории, как на процесс производства и потребления знаний, позволяет не только понять факторы развития в традиционном смысле, как если бы мы рассматривали проблему в парадигмальных рамках теории информационного общества, общества знаний и др. Но также эта позиция необходима как одна из многих компонентов интегративного диалога, для обнаружения новых смыслов и возможностей. Этот способ рассмотрения темы нам кажется принципиально важным.

Существует позиция, в явном виде выраженная, например, В.Г. Федотовой [3], что в определенный исторический момент XX века *эволюционное развитие* в науке (совершаемое под влиянием внутринаучных методологических регулятивов) в силу снижения веса внутренних факторов развития самой науки сменяется *социальным управлением наукой* (вполне сознательной постановкой внешних целей с учетом всех приоритетов, в которых заинтересовано общество). Соответственно, историко-социологическая перспектива науки (в частности, в русле концепции Штарнбергской группы⁹) представляется более приемлемой и плодотворной, нежели историко-теоретическая перспектива, заданная Т. Куном. Безусловно, в этой позиции нет противопоставления одних механизмов другим, напротив, есть некоторый анализ их взаимного влияния.

---

⁹ «Исследовательская группа, в которую входили Г. Бёме, В. ван ден Деле, Р. Холфелд, В. Крон и В. Шэфер, была организована в рамках Института им. Макса Планка (Штарнберг)» [3].

Также выражаются надежды на переоформление социальной проблемы взаимодействия «академической» (нормальной) и «постакадемической» (заказной) науки в более «экологичный», мягкий вариант. Но все же, как нам представляется, здесь выражено генеральное настроение, в котором сохраняется тенденция к доминированию и дифференциации изолирующего характера. Защищаемая концепция «формирования новой теории под влиянием внешних целей» – линия экстернализма – спорит с «интернализмом», отрицающим, в свою очередь, социальное влияние на развитие науки (отношения «вместо», а не «вместе»). «Мягкий вариант» разрешения социальных противоречий ожидается все от той же «дарвиновской» эволюционной модели («конкуренция, отбор, адаптация») применительно к практике регуляции науки. Утверждается, что ученым «необходимо усваивать риторический стиль для участия в дебатах» и «новый способ донесения партикулярного типа своего знания людям из неформального интеллектуального и социального контекста» (увы, научные проблемы становятся также и острыми социальными проблемами, и дебаты без ученых невозможны) [3]. Ценностное содержание концепции приобретает оттенок директивности, поскольку выражается через объективированное требование «соответствия понятийных структур и результатов совокупности общественных интересов» – требование, которое непросто удовлетворить в силу различной природы «структур» и «интересов».

Это только один из возможных примеров, показывающий, почему диалогу и совместности в поле понятийных структур и интересов, вполне разделяемых всеми участниками процесса, так сложно состояться. Поэтому, исследуя интегративные практики, мы будем придерживаться стратегии достижения теоретической полифонии, желая избежать грубого эклектизма. И в отличие от «большинства исследователей», на которое указывает В.Г. Федотова, считающих «этос классической академической науки полностью разрушенным» [3], мы полагаем, что идеалы этоса науки (коммунитарность, открытость, организованный скептицизм и др.) в полном смысле все еще не реализованы, как и идеалы других культурных систем, но продолжают служить на уровне ценностных ориентиров.

Упомянутая выше Штарнбергская группа предложила концепцию «финализации» (Finalisation, Finalisierung – «завершения науки, открывающей закономерности природы») и дала свою характеристику связи науки с вненаучными (социальными, политическими, военными и экономическими) целями. Не стоит понимать «финализацию» как «финал», как алармистскую оценку положения вещей или характеристику исключительно этого этапа развития науки. Это, прежде всего, концепция развития науки под влиянием внешних с точки зрения прежней динамики целей. Интересна она тем, что предлагает более сложный характер связей с обществом и практикой, чем содержится в концепте «прикладного исследования», а также показывает, как «онаучиваются»

внешние по отношению к науке сферы. Это представляется важным, поскольку, как мы увидим, интегративные стратегии трансдисциплинарности нацелены не только на «предметно-дисциплинарные» границы, как это реализуется при междисциплинарном подходе, но и на границы других типов – например, между фундаментальными и прикладными видами исследований. И говорить о «внешнем» по отношению к науке управлении мы можем в современной ситуации разве что очень условно: научно-технологическая структура пронизывает нашу реальность многомерно и всеохватно.

Как указывает В.Г. Федотова, в концепции финализации выделяются три стадии развития науки. На первой (предтеоретической) преобладают эмпирические методы и способы отбора данных; ориентация на внешние цели возможна при сохранении приоритета целей самой науки как «функционализация». На второй (парадигматической) происходит построение теории в соответствии с исследовательскими «идеалами» и внутренней логикой науки; предполагается, что внутреннее развитие науки не допускает ориентации на внешние цели. На третьей (постпарадигматической) – это и есть фаза «финализации науки» – внешние цели регулируют направление дальнейшего исследования. На основании «зрелой методологии» происходят специализации теорий, ориентированные на решение определенных социально значимых проблем.

Трехэтапная «классическая» модель генезиса науки, как мы видим, органична как для концепций интернализма, так и экстернализма. На наш взгляд, дискуссии на тему «внутренняя логика науки» или «внешние по отношению к науке цели» как продуктивное теоретизирование относятся ко второму этапу этой классификации. В эпоху «постнауки» эти дискуссии хотя и продолжают иметь место в научно-социальной практике, однако они неумолимо «финализируются» (в добропорядочном смысле) или «анархизируются» (в смысле программы П. Фейерабенда).

Тем не менее привлечение концепции с сильным экстерналистским тезисом необходимо для проявления характера процессов, которые по традиции интерпретируются как междисциплинарные, но, по сути, являются межкультурными. «Финализация» ли с определяющими «внешними целями», или «технонаука» как включение технологического и социального контекста знаменуют закат прежней дисциплинарно-организованной модели.

Какие сферы знания будут создавать ранее немыслимые гибриды, каковы меж ними отношения и принципы демаркации – это логика уже не дисциплинарной смежности или традиционной приложимости исследований. Пожалуй, еще можно обосновать создание агрохимии на основе «методической зрелости» органической химии, привлекающей специальные теории гидродинамики для решения практических задач, в русле перенесения знаний прикладными исследованиями в смежные научные области. Однако вряд ли возможно объяснить вне влияния социального пространства, что заставляет пересекаться историю

и геологию в направлении актуального экологического вектора интереса – с образованием геомифологии, изучающей, в частности, исторические формы адаптации человека к природным катастрофам [4, с. 10].

Есть основания предположить, что «локусы причинности» здесь те же, что способствуют, по мысли Н.С. Розова, расцвету эпистемологии в целом. Задаваясь вопросом, в каких исторических условиях (от Декарта до Лакатоса) происходили наиболее значимые повороты теоретико-познавательной мысли, автор указывает по крайней мере пять классических обстоятельств, так или иначе образующих области интеграции ресурсов и зоны устойчивого интеллектуального внимания исследователей и общества [2, с. 94]. Исследователи трансдисциплинарных стратегий обосновывают практически те же ключевые позиции, конкретизируя их на основе анализа современного социокультурного материала.

Интересно проследить, как развивается тезис о социальной значимости научных достижений как факторе управления наукой. В традиционном экстерналистском понимании наука находится в поле мощных сил и интересов, и роль экономических и социально-политических рычагов вполне очевидна. Но открытость влиянию со стороны общества обеспечивается и другими условиями. «Точки роста» возникают там, где возможен общественный резонанс, публичное внимание к развитию соответствующих областей знания (информационная доступность) и участие различных социальных акторов, непосредственно заинтересованных в решении практических задач (деятельностная доступность). И тогда наиболее актуальными проблемными областями становятся организационные и нормативные регулятивы: каким образом складываются альянсы столь разнородных участников – «власти», «владельцев ресурсов», «экспертов» и «профанов», как выстраивается общее коммуникативное поле в столь сложной сетевой конфигурации и консолидируются интеллектуальные вклады, как разрешаются этические коллизии и вырабатываются социально ответственные решения.

На наш взгляд, существенные признаки трансдисциплинарных стратегий вполне обоснованы и оформлены, и в этом направлении ведутся практические разработки [5, 6]. Существуют открытые информационные порталы: «Международный центр трансдисциплинарных исследований» (CIRET) – <http://ciret-transdisciplinarity.org/>; «Трансдисциплинарные исследования» – <http://transstudy.ru/>; «Трансдисциплинарность» (Русская школа трансдисциплинарности) – <http://www.anoitt.ru/>. Формируются команды исследователей различного уровня и направленности, проводятся дискуссии с привлечением широкой общественности, социальные и этические экспертизы [7–10]. Разведочный и декларативный характер постепенно сменяется трезво-практическим, и теперь, как представляется, более актуальна рефлексия на тему тактики: накопление средств воплощения идей, анализ сложности и диспропорций развития, более тонкие инструменты регуляции и укрепления позиций.

Список литературы

1. Эмерсон К. Трансформативная гуманистика Михаила Эпштейна: Пролог к будущему нашей профессии / пер. с англ. М. Литвиновой [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 1 (131). – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5844> (дата обращения: 15.06.2015).
2. Розов Н.С. «Осень» и будущая «Весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 12, № 2. – С. 91–106.
3. Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? [Электронный ресурс]. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=999 (дата обращения: 15.06.2015).
4. Тынянова О. Н. Социальное пространство как машина времени: опыт трансдисциплинарного перехода // Пространство и время. – 2014. – № 1(15). – С. 10–14.
5. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Ин-т философии РАН. – М., 2009. – 205 с.
6. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТПУ. – 2011. – № 10 (112). – С. 193–201.
7. Гребенщикова Е.Г. Новый интерфейс науки и общества: трансдисциплинарные стратегии в биомедицинских исследованиях / Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1. – С. 149–155.
8. Середкина Е.В., Колесова О.В., Макарова Е.Н. Гуманитарные аспекты развития биотехнологий в контексте технонауки и социальной оценки техники // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2014. – Т. 1. – С. 385–391.
9. Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18 // Человек – NBIC-машина (философско-антропологические и биоэтические исследования): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. – М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2014. – 152 с.
10. Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 19 // Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. – М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2014. – 180 с.

Получено 03.07.2015

S.R. Dinaburg

MODEST MATURITY OF TRANSDISCIPLINARITY, CONCERNING FAMILY AND FRIENDS

The article presents an integrative and creative role of transdisciplinarity at the current stage of relations of science and society. Transdisciplinarity is viewed as a phenomenon that is much more meaningful than the relationships between scientific disciplines and types of research. Concepts of the science genesis from the position of internalism (historical and theoretical perspective) and from the position of externalism (historical and sociological perspective) both recognize that directions for further research are regulated by external not-epistemic purposes at the present stage of science. This situation causes great anxiety and concern but at the same time, stimulates and provides new ways of social participation and control. Transdisciplinarity brings together researchers who seek to change the social and cognitive situation. Integrative practice not only responds to the epistemological crisis but also orients to socially responsible solutions. The "growth points" arise where publicity, public attention to the development of the relevant knowledge areas, involvement of various social actors directly interested in solving practical problems are possible. Transdisciplinarity, in a broad sense, is associated with other transcultural phenomena and explores the problem of human existence in the world. A brief history of the formation, the main directions and principles of the transdisciplinarity are set out in the syncretic style characterizing the open nature of transdisciplinary strategies. The problem of conditions and means of the dialogue between researchers and other social actors is posed. The links to basic information sources on the subject, available for a wide range of researchers are provided.

Keywords: dialogue, interdisciplinarity, social actors, transdisciplinarity, transdisciplinary strategy, transcendental shift, ethos of science.